

ных исследований носят больше теоретический характер, поэтому возможность внедрения результатов исследования, что носит ограниченный характер.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что совместное научное творчество ученых, преподавателей, студентов и аспирантов — самый эффективный, проверенный практикой путь развития потенциальных способностей, становления характера исследователя, воспитания инициативы, ответственности, трудолюбия, потребности и навыков постоянного самообразования в будущем. Можно сказать, что именно такая деятельность позволяет говорить об инновационном потенциале как научных школ, так и университетской науки в целом. Наконец, научно-исследовательская деятельность студентов является необходимой составной частью системы подготовки высококвалифицированного, ориентированного на современный рынок труда специалиста, инициативного, способного критически мыслить и использовать инновационные методы и технологии в своем развитии, направленном на достижение высоких результатов.

Список литературы:

- 1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование.** Утвержден 04.12.2015 [Текст]. – Москва, 2015. – 19 с.
- 2. Алаторцева, И.С.,** Проблема активизации научно-исследовательской деятельности студенческой молодежи [Текст] / И.С. Алаторцева // Высшее образование в России. 2007. - № 10. - С. 81-84.
- 3. Анисимова, Т.И.,** Подготовка бакалавров педагогического образования к научно-исследовательской деятельности [Текст] / Т.И. Анисимова, Л.А. Краснова // Образование и наука. 2011. - № 4(83). - С. 40-44.
- 4. Биштова, Э.А.** Научно-исследовательская деятельность как фактор профессионального развития студента [Текст] /

Э.А. Биштова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. Аспирантские тетради. 2007. - № 20(49). - С. 253-257.

5. **Большой психологический словарь.** [Текст] / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. - 672 с.

6. **Жусупбекова, Р.Т.** Научно-исследовательская деятельность студента [Текст] / Р.Т. Жусупбекова // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2012. - № 1. - С. 158-161.

7. **Кутумова, А.А.,** Научно-исследовательская деятельность студентов как фактор повышения качества подготовки бакалавров профессионального обучения [Текст] / А.А. Кутумова, Т.И. Кушнир // Фундаментальные исследования. 2014. - № 11. - С. 1803-1807.

8. **Петрова, С.Н.** Научно-исследовательская деятельность студентов как фактор повышения качества подготовки специалистов [Текст] / С.Н. Петрова// Молодой ученый. 2011. - № 10. - С. 173-175.

9. **Стерхова, Н.С.** Формы и виды организации исследовательской деятельности студентов педвуза [Текст] / Н.С. Стерхова // Вестник Шадринского государственного педагогического института : науч. журн. Шадринск, 2013. С. 159-167.

10. **Философский энциклопедический словарь** [Текст]. – М.: Сов. энцикл., 2008. – 430 с.

ГРНТИ 02.31.21

УДК 162.6

Летягин Леонид Иванович

«ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЕ» ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: наука, идеология, эпистемология, истина, марксизм.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу проблемы истинности социального знания в науке на ее «постнеклассическом» этапе развития. Автор рассматривает связи и отношения науки, религии и идеологии. Кроме этого анализируются и основные условия научного познания в рамках марксистской эпистемологической традиции.

Letyagin Leonid Ivanovich

**«POSTNONCLASSICAL»SOCIAL STUDIESIN THE
SEARCH OF THE TRUTH .**

KEY WORDS: science, ideology, epistemology, truth, Marxism.

ABSTRACT. The article deals with the analysis of the problem of social knowledge established truth in science during its “postnonclassical” development stage. The author is looking at the connections and relations of science, religion and ideology. Apart from that being analyzed are also the major conditions of scientific finding in the framework of Marxist epistemological tradition.

Как показывает история развития научного познания для него фундаментальной и принципиальной всегда была проблема поиска и применения такой методологии, которая бы обеспечивала достижение истинного знания.

Что касается современного варианта решения этой проблемы, то он отражает те радикальные изменения, которые претерпевает сегодня наука и все аспекты ее понимания: 1) как системы знания; 2) познавательной деятельности – её целей, принципов, средств, регулятивов; 3) социального института, выполняющего определенные функции в социальной системе, как одного из важнейших условий функционирования и развития общества.

Мы имеем в виду появление нового типа «постнеклассической» рациональности, в основе которого лежат осо-

бенности: 1) теоретических представлений об организации исследуемых объектов и типах картины мира; 2) средств и операций деятельности, представленных идеалами и нормами науки; 3) ценностно-целевых ориентаций субъекта теоретической деятельности и рефлексии над ними, выраженных в специфике философско-мировоззренческих оснований науки [См.: 13, с. 249-251].

Если очень кратко сформулировать суть новой эпистемологии, то она заключается в признании периферийности таких требований истинности научно-теоретического знания, как его наглядность и эмпирическая проверяемость, что характерно для «классической» и, в определенной степени, для «неклассической» науки и, самое главное, того, что между познающим разумом и объектом его познания существует «посредник» - человеческая деятельность.

С этих позиций научный разум теряет свою «суверенность» («нейтральность», «отстраненность», «объективность») и предстаёт не как дистанцированный от мира «чистый разум», а как включенный в этот мир, развивающийся вместе с развитием деятельности, формированием ее новых видов, целей и средств [См.: 13, с. 249-256], то есть разум, детерминированный культурой, содержанием которой являются, помимо предшествующего теоретического знания, различного рода нормы, ценности, мировоззренческие установки, представляющие собой конкретно-историческое и иерархическое системное единство.

Это закономерно приводит к изменению представлений о критерии истинности (ложности) тех или иных теоретических положений или теорий в целом – истинным оказывается то, что является ценным, то есть *благом*. Именно поэтому развитие «постнеклассической» науки предполагает преодоление той принципиальной и полярной «классической» и менее «жесткой» в «неклассической науке» дихотомии, противопоставлявшей ценность и знание.

«Постнеклассическая» рациональность начинает рассматривать не только научные знания с точки зрения их

прагматической ценности, но сами эти *ценности как форму знания и методологию его получения*.

Данная позиция вызывает неоднозначную реакцию.

На противоречивость «постнеклассической парадигмы» обращает внимание А. П. Огурцов, считая, что экстраполяция аксиологии на сферу научно-теоретического знания «приводит к релятивизации Истины и способов ее достижения, к отождествлению регулятивов познания и оценки, к подмене познавательных актов актами оценки, эстетического дискурса этико-аксиологическим дискурсом. Абсолютизация аксиологического подхода, превращение Истины в ценность определенной культуры, отождествление двух различных видов дискурсов чревато и тем, что Истина подменяется какими-то другими праксеологическими по своему содержанию регулятивами. На место Истины как регулятива познания выдвигаются новые весьма прагматичные критерии и регулятивы — полезность, эффективность, правдоподобие, приложимость, простота, точность и пр.» [8, с.9].

Тем самым критерием истинности научного знания «научности» методологии его «получения» начинает считаться «соотнесенность характеристик получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-целевыми структурами. Причем «эксплицируется связь внутринаучных целей с вне-научными, социальными ценностями и целями» [14, с. 634].

Истина – это то, что полезно для общего блага, обладает общечеловеческим значением и ценностью - наука должна быть направлена «на поиск истины и рост истинного знания в синтезе с поиском и реализацией гуманистических идеалов» [10, с. 87].

Данная ситуация экстраполируется и на социально-гуманитарную эпистемологию. когда признание *любой возможной* интерпретации объекта как истинной, то есть соответствующей прагматическим целям и ценностям «общего блага», означает глубокие изменения в научном

статусе социальных теорий.

В «новых условиях» генеалогия и топология познавательного процесса оказывается многомерной, а его результатом оказывается некое *множество равнозначных истин*, их плюрализм.

«Вопреки классической эпистемологии, - отмечает В.Г. Федотова, - истина, в настоящее время, может быть истолкована не как воспроизводство (слепок) объекта в знании, а как характеристика способа деятельности с ним. Поскольку таких способов может быть много, возможен плюрализм истины и, следовательно, исключается монополия на истину» [15, с. 50].

Вполне определенно об этом же высказывается один из ярких представителей «постнеклассики» Х.-Г. Гадамер, когда, рассматривая эпистемологию исторического познания, пишет, что его опора на этико-аксиологический дискурс означает «момент истины. Обусловленность даже может мыслиться как необходимый составной элемент истины, если человек не хочет оказаться заложником этой самой обусловленности. Здесь должно считаться как раз „научным“ — разрушить фантом истины, оторванной от места нахождения познающего» [2, с. 10].

Итак, посмотрим, к чему приводит указанная точка зрения, согласно которой, как мы уже сказали выше, приоритетными критериями истинности социальной теории позиционируются мера соответствия последних: 1) ценностям «общего» (в «предельном» итоге – общечеловеческого) блага; 2) степени «полезности» и «эффективности» в практической реализации целей этого «общего блага», то есть обеспечения «прогрессивного развития человечества».

Одним из ярких примеров реализации такого подхода могут служить «новые отношения», возникающие между социальной теорией, религией и идеологией.

Что касается религии, то она начинает позиционироваться как равноправный с научно-теоретическим знанием и его методологией участник процесса создания «карты

сущностей».

В защиту этого положения приводятся следующие аргументы: во-первых, в рамках религии, как и в науке, формируется и существует вполне системная «картина» устройства природы, общества и понимания человека, их конечных и «предельных» детерминант, во-вторых, указываются способы познания «мира» и экзистенциального смысла «всего сущего».

Кроме этого, религия обладает теми же свойствами, что и «постнеклассическая» наука, а именно: 1) истинности как ценности; 2) привлекательности; 3) полезности; 4) эффективности.

Вот что пишет по этому поводу Д. В. Пивоваров: «Не всякая полезность истинна и привлекательна. Не все привлекательное истинно и полезно. Общество по-разному настроено на приятие или неприятие научных теорий и религиозных учений. Привлекательная доктрина (теория) очень быстро распространяется в обществе, даже если ее истинность и полезность еще не установлены» [9, с. 581-582].

Тем самым ни научная социальная, ни религиозная теория не могут однозначно идентифицироваться по шкале «истинного» или «ложного» знания и та и другая представляют собой *формы нормативных теорий*. Если научная истина включает в себя оценочный (субъективный) нормативный компонент в качестве одного из своих важнейших конституирующих признаков, то религия делает то же самое.

Поэтому «вместо объявления религиозных идей ложными, не соответствующими действительности, религию считают одним из многих, равно имеющих право на существование способов *субъективного восприятия реальности*, в отношении которых неприменимы категории истинности-ложности [См.: 17, с.73].

Если же вновь вернуться к показателю эффективности, как критерию истинности, то религия отвечает требовани-

ем этого критерия - она «не является сегодня препятствием для социального прогресса... при адекватной интерпретации она даже повышает его шансы на успех» [3, с. 24].

А теперь скажем об «общечеловеческих ценностях».

Мы не будем здесь воспроизводить в подробностях те дискуссии, которые шли и идут по поводу их содержания, формах, структуре и, собственно, о существовании, как таковом.

Скажем лишь о том, что целый ряд всемирно известных обществоведов (назовем лишь имена Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби), отрицавших общее в истории, культуре, духовной жизни разнообразных народов и стран.

В свою очередь, противоположная номинализму реалистическая традиция (как в материалистической так и идеалистической формах), признает наличие общего и исходит из того, что общечеловеческие ценности имманентны развитию общества, выполняют важнейшую функцию обеспечения преемственности человеческого существования, человеческой культуры, единства и «связности», «всеобщности» человеческой истории, выступая в качестве системы «аксиологических максим, содержание которых не связано непосредственно с конкретным историческим периодом развития общества или конкретной этнической традицией, но, наполняясь в каждой социокультурной традиции собственным конкретным смыслом, воспроизводится, тем не менее, в любом типе культуры в качестве ценности» [11, с.141].

Но общество состоит не из Робинзонов или неких «атомов-индивидов», а представляет сложную и противоречивую систему деятельности, защищающих и преследующих свои интересы *конкурирующих* между собой экономических, политических, национальных, конфессиональных и других социальных групп с которыми идентифицирует себя индивид.

Для победы в конкуренции необходима масса убежденных в своей правоте участников, причем чем больше их,

чем выше организация этих масс, тем больше шансов на успех.

Поэтому каждая такая группа, претендующая на доминирование в социальной системе всегда в своих притязаниях будет опираться не только на свои традиции, обычаи, моральные нормы и т.д., но и на авторитет нормативной социальной теории в ее конкретно-исторических формах – мифологической, религиозной или научной, как соответствующей «общему благу», неважно создавалась ли она под «заказ» или нет.

С другой стороны, и сама теория должна быть наделена свойствами выражения и защиты группового интереса как всеобщего, общечеловеческого, апологизирована в качестве абсолютно-истинной, а ее планируемые результаты должны быть представлены как достижимые или «здесь и сейчас» или в просматриваемой исторической перспективе.

Вот так и возникает идеология как система «взглядов, идей (концепций, программ), возникающих на основе конкретно-исторической социальной теории, в которых абсолютизируются (сакрализируются) интересы, ценности, смыслы определенной социальной группы (института) в качестве «предельных», «конечных» (общечеловеческих), дается представление об «идеальном» проекте устройства будущего общества (государства), об императивной необходимости его практической реализации, о путях, средствах этой реализации» [5, с.172].

Анализируя основные требования «постнеклассической» эпистемологии к истинному знанию, нельзя не сказать и о ее критическом отношении к предшествующим взглядам на эту проблему, в частности в претензиях к марксизму, за его «подавление» свободы мнений (плюрализма), «идеологичность», «религиозный» и «утопический характер» и т.д.

Что можно по этому поводу сказать?

Во-первых, если следовать заявляемой «постнекласси-

кой» идее о плюрализме истины, то если мы за плюрализм, то марксизм точно такая же научная теория, как и все остальные.

Во-вторых, если уж и рассматривать марксизм в качестве «светской религии», что стало «общим местом» в многочисленных работах, то согласно «современным» взглядам на религию, о чем мы говорил выше, анализируя ее связь с «постнеклассической» наукой, ничего негативного и так скажем, «криминального», в этом нет.

В-третьих, то же самое касается не менее часто встречающегося обвинения марксизма в утопизме, ведь «новое» понимание утопии связано с признанием того, что она составляет *суть* (курсив наш – Л.Л.) любой социальной теории» [1, с. 62], оказываясь близкой родственницей науки» [18, с. 31].

Если же непредвзято обратится к анализу работ К.Маркса, то он, как известно, неоднократно подчеркивал принципиальное отличие своих теоретических построений от всего предшествующего обществознания тем, что, по его мнению, методология и возникающая на ее основе теория должна быть свободна от таких недостатков как: 1) априоризм; 2) догматизм; 3) нормативизм.

В основе последнего как раз лежат представления о неких «родовых» и «вечных ценностях», изначально присущих человеческой природе, которые проявляются «вовне» посредством норм должностования и соответствующих «проектов», которые необходимо реализовать практически.

При этом, в качестве исторически конкретных «внешних оболочек» (форм существования) такого рода нормативных систем выступают мораль, мифология, религия, утопии, разнообразные теории, в которых всё происходящее в обществе рассматривается с точки зрения априорных ценностей априорно-телеологического блага, «встроенного» в природу человека и в историю.

Такого рода взгляды, с точки зрения марксизма, однозначно противоположны науке и научной методологии, и рано или поздно такая «нормативная эпистемология» приводит к не менее «нормативной онтологии», к идеализму.

Из этого следует, что принципы достижения «социальной истины» (К. Маркс), логика познавательных процедур и оформления полученных результатов в форме системы знаний о законах и закономерностях функционирования и развития общества должны соответствовать принципам и логике организации любого научного «позитивного» знания, как знания 1) категориального, выражающего в абстрактной форме объективную логику реальных процессов, 2) свободного от нормативных (мораль, религия, искусство, философия и т. д.) оценок, покоящегося на «трех китах» — *научном методе (материалистическая диалектика), истории и статистике.*

Одним из хрестоматийных примеров реализации такого подхода к научному знанию является предисловие К. Маркса «К критике политической экономии».

В нем, в рамках диалектико-исторического метода, находят свое категориальное выражение («производительные силы», «производственные отношения», «базис», «надстройка», «общественная формация» и т. д.) основные закономерности «действительных», «эмпирических» процессов, происходящих в истории общества.

Вот как оценила известный исследователь экономических теорий С. Назар ту задачу, которую ставил перед собой К. Маркс при написании данной работы: «Начиная заниматься экономикой в 1844 году, Маркс не собирался показывать, что жизнь при капитализме ужасна... В его планы не входило обличать капитализм с точки зрения морали, и особенно морали христианской... Основной целью его труда было „математически точное“ доказательство того, что система частной собственности и свободной конкуренции не может работать и поэтому „должна произойти революция“. Он хотел раскрыть „закон движения совре-

менного общества“. При этом он планировал представить труды Смита, Мальтуса, Риккардо и Милля как ложную религию, подобно тому, как радикальные немецкие богословы доказывали, что библейские тексты являются подделкой и фальсификацией» [7, с. 64-65].,

То же самое следует сказать и о «Капитале», в котором в категориальной форме («товар», «обмен», «деньги», «стоимость», «прибавочная стоимость» и т. д.) К. Маркс представляет «действительную» объективную логику функционирования и развития буржуазного общества, целенаправленно абстрагируясь от «идеологических наслоений», нормативных, в первую очередь моральных, оценок [См.:16, с. 196].

Отсюда следует, что как только социальная теория переходит от ответа на вопрос о том, как устроено общество к оценке этого устройства с точки зрения нормативных требований и представлений о добре и зле, справедливости и несправедливости и т.д, и, самое главное, о «должном», как соответствующем «природе человека» и отвечающем самым фундаментальным «общечеловеческим ценностям» устройстве общественной жизни, она становится нормативной теорией, начиная свой транзит к существованию в форме идеологии.

Именно это происходит и с марксизмом, позиционирующим интересы пролетариата, решающего «всемирно-историческую задачу», как соответствующие общечеловеческим ценностям в построении «подлинного *человеческого* общества, обобществившегося человечества» [6, с. 4].

Завершение же этого транзита было реализовано В. Лениным.

Всё то, что было предпринято им в разработке марксизма — это, по сути дела, продолжение процесса его идеологизации, начатой самим марксизмом.

В. Ленин лишь закончил ее, «сняв» противоречие «научной теории» и «действительности» путем отождествления «материалистической диалектики» и принципа пар-

тийности как главного эпистемологического требования, обеспечивающего «научность» марксизма, соединяющего «партийную науку в современном обществе и гносеологию» [См.: 4, с.363-364].

В рамках ленинизма «научное» (истинное) оказывается модусом «классового», и, в конечно итоге, «партийного», где принцип партийности выполняет роль «каркаса» для мысленного конструирования, когда *нормативная модель истории отождествляется* с научным знанием, принимающим телеологическую форму реально реализуемых «научно обоснованных» проектов «коммунистического будущего» и служит «категориальному обоснованию уже принятых политических решений» [12, с. 172].

Но что, в противовес «идеологии марксизма-ленинизма», предлагает «постнеклассическое» обществознание в качестве научной методологии?

А предлагает оно «новое видение» реальности, ее закономерности функционирования и развития, которые могут выявляться посредством воспроизведения и понимания этой реальности в языке и тексте. Сама же эта реальность если и признается, то лишь как потенциальная возможность для разнообразной символизации – язык и тексты конструируют окружающую индивида среду, как нормативную, в единстве значений, образов-смыслов, образов-символов, образов-идеалов и императивно-необходимую для осознания своей индивидуальной (групповой) идентичности и действий в соответствии с ней.

Кстати, одним из основателей указанной методологии считается советский философ В. Н. Волошинов.

В своей работе «Марксизм и философия языка» (1929) он настаивал на том, что «без знаков нет идеологии» [21, р.9], что их сферы совпадают по «пространственной протяженности»: сознание возникает лишь с воплощением его в «материальных знаках». Они поэтому являются не только отражением реальности, но и интегральной частью ее.

«Логика сознания, — писал он, — есть логика идеоло-

гической коммуникации. Если мы лишим сознание его семиотического, идеологического контента, оно исчезнет» [21, р.13] Признание же того, что «слово — есть априорно идеологический феномен», означает, что идеология не может быть изолирована от значения, а само значение — от социальных предпочтений той или иной группы, что определяет множественность (плюрализм) этих значений и соответствующих идеологических предписаний как императивов поведения, их динамизм (изменчивость) и то, что они представляют «арену классовой борьбы».

«Работа Волошинова, — считает Т. Иглтон, — дала новое определение идеологии как борьбы антагонистических социальных интересов на уровне значения» [19, р. 195].

В свою очередь Д.Б. Томпсон, отмечая роль советского ученого в формировании анализа идеологии, писал: «Власть идеологии стала определяться не только с точки зрения содержания значения, но как средство производства значений» [20, р. 132].

При этом, претендуя на роль научной эпистемологии, «постнеклассическое» обществознание, само признает принципиальную ангажированность социальных теорий, то есть «идеологичность».

На это указывает уже цитированный нами Х.-Г. Гадамер, отмечая, что в современном «насквозь организованном обществе, каждая группа интересов разворачивается по мере ее экономической и социальной власти. И научное исследование она оценивает также согласно тому, в какой мере его результаты будут полезны или вредны ее собственной власти» [2, с.11].

Таким образом, подводя итоги анализу сформулированной нами проблемы, возникают серьезные сомнения в обоснованности претензий «постнеклассического» обществознания на роль научной теории и методологии.

И та и другая – это эвфемизмы, которыми сознательно скрывается «идеологичность» постнеклассического обществознания и как теории и как методологии постижения

ИСТИНЫ.

Список литературы

1. **Аинса, Ф.** Реконструкция утопии : [Текст] эссе / Ф. Аинса. — М. : Наследие : Edition UNESCO, 1999.- 208 с.
2. **Гадамер, Х.-Г.** Истина в науках о духе [Текст] / Х.-Г. Гадамер // Топос. 2000. - № 1. - С. 7-12.
3. **Гречко, П.К.** Гражданская религия: от сакральности божественной к сакральности человеческой [Текст] / П.К. Гречко // Философские науки. 2012. - № 4. - С. 11—26.
4. **Ленин, В.И.** Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии [Текст] / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 томах. Изд. 5-е. Москва: ИПЛ, 1968. - Т. 18. - С. 7- 384.
5. **Летягин, Л.И.** Философия идеологии: [Текст] моногр. / Л.И. Летягин. Екатеринбург, Изд-во ФГБОУ ВПО Урал. гос. пед. университет, 2014. - 281 с.
6. **Маркс, К.** Тезисы о Фейербахе [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: ГИПЛ, 1955. - Т. 3. - С. 1-4.
7. **Назар, С.** Путь к великой цели: история одной экономической идеи [Текст] / С. Назар. — М. : АСТ, 2013. - 704 с.
8. **Огурцов, А.П.** Благо и истина: линии расхождения и схождения [Текст] / А.П. Огурцов // Благо и истина: классические и неклассические регулятивы - ИФ РАН, 1998.- С. 5-38.
9. **Пивоваров, Д.В.** Философия религии [Текст] / Д.В. Пивоваров. — М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2006. - 640 с.
10. **Прохоров, М. М.** Наука и современность [Текст] / М.М. Прохоров // Философия и общество. 2013 - № 1. - С. 86-104.
11. **Севостьянова, Н.Г.** Общечеловеческие ценности [Текст] / Н.Г. Севостьянова // Новейший философский словарь / сост. А. А Грицанов. — Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998. - 896 с.

12. **Стешенко, Н. И.** Диалектика и идеология [Текст] / Н. И. Стешенко // Философские науки. 1991. - № 1. - С. 168-174.
13. **Стёпин, В.С.** Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения [Текст] / В.С. Степин // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб. : Мирь, 2009. - 672 с.
14. **Стёпин, В. С.** Теоретическое познание [Текст] / В.С. Степин. - М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
15. **Федотова, В.Г.** Классическое и неклассическое в социальном познании [Текст] / В.Г. Федотова // Общественные науки и современность. 2012. - № 4. - С. 45-54.
16. **Хайлбронер, Р.Л.** Философы от мира сего [Текст] / Роберт Л. Хайлбронер. — М. : Изд-во КоЛибри, 2008. - 432 с.
17. **Шахов, М. А.** Реализм как общая основа религиозного и научного знания [Текст] / М. А. Шахов // Вопросы философии. 2008. - № 10. - С. 66 -77.
18. **Шацкий, Е.** Утопия и традиция [Текст] / Е. Шацкий. - М. : Прогресс, 1990. - 456 с.
19. **Eagleton, T.** Ideology: an introduction [Текст] / T.Eagleton. - London: Verso Books, 1991. - 242 p.
20. **Thompson, J. B.** Studies in the Theory of Ideology [Текст] / J. B. Thompson. — Cambridge, 1984. - 346 p.
21. **Voloshinov, V. N.** Marxism and the Philosophy of Language [Текст] / V. N. Voloshinov. - New York, 1973. - 205 p

ГРНТИ 15/14

УДК 159.96 + 377

Марамзина Наталья Юрьевна

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ДЕТЯМ С ОСЛАБЛЕННЫМ СЛУХОМ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дети с ослабленным слухом, слабослышащие дети, психическое развитие, психологическая